

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

А.В. АНДРИАНОВ, А.Н. СОКОЛОВ*

Калининградский пограничный институт ФСБ РФ

**Калининградский юридический институт МВД России*

În prezentul articol, autorii efectuează analiza juridică amplă a infracțiunii de sustragere a averii străine (a proprietății), indicând la particularitățile specifice și la semnele distinctive ale infracțiunii supuse analizei de celelalte infracțiuni, incluse în cadrul infracțiunilor economice din Codul penal al Federației Ruse.

Autorii au îmbinat, destul de reușit, interpretările teoretice ale fenomenului social, în cadrul căruia, de obicei, se comite infracțiunea de sustragere, cu cazurile practice judiciare din ultima perioadă de timp, prin care au relatat că sustragerea nu în toate cazurile urmărește și se comite cu scopul de profit, prezentând în susținerea acestor idei cazuri concrete care au fost examinate și confirmate de instanțele de judecată din stat. În final se face o clasificare a particularităților specifice ale infracțiunii de sustragere a averii străine, pe care o recomandă pentru a fi utilizată de către organele de drept din Federația Rusă care se ocupă cu depistarea și calificarea infracțiunii în cauză.

In the given article the authors perform a juridical analysis of the specified breaking beginning with the juridical notions that form the estimation basis and action qualifications as a purloining breaking of somebody else's property (of the owner). The authors indicate the specified peculiarities of the respective signs of the breaking that is subjected to an analysis, distinguishing in this way the purloining breaking of somebody else's property from another breaking, that is specified in the frame of economic breaking of the Russian Federation Penal Code.

The authors successfully have joined the theoretical interpretation of the social phenomenon, in the frame of which it is committed the purloining breaking, with the practical cases of the last period of time, through which they related that the purloining is not followed in each case and that it is followed with the goal to receive profit, presenting some real cases that have been examined and confirmed in the trial instance of the state. Finally the authors accomplish a classification of the specific peculiarities of the purloining breaking of somebody else's property and they are suggesting them to the state body of the Russian Federation that deals with the hunting out and qualification of the respective breaking.

Согласно данным министра внутренних дел России Р.Г. Нургалиева, в 2006 г. было зарегистрировано 3 855 373 преступления [1]. Причем в минувшем году возросло количество преступлений против собственности, в том числе таких, как кражи, мошенничество. Особую тревогу вызывает уличная преступность. Если пять лет назад на улицах совершалось каждое семнадцатое из зарегистрированных преступлений, то теперь – уже каждое девятое.

Преступность стала агрессивнее, изощреннее, а главное – технически более оснащенной. Развивается так называемая «беловоротничковая преступность». Активно применяются различные финансовые схемы и манипуляции с бюджетными средствами, аферы с использованием компьютерных технологий. Все это остро ставит вопрос об особенностях квалификации хищений чужого имущества, чему, собственно, и посвящена настоящая статья.

Индивидуализация уголовной ответственности и наказания осуществляется в рамках конкретного состава преступления. И совершенно естественно, что первым в этом составе выступает само хищение, характер и степень его интравидовой (внутривидовой) общественной опасности, отличной от степени общественной опасности других посягательств на чужое имущество [2].

Представляется необходимым в этом контексте определиться с подходами, существующими в научной литературе, к самому понятию хищения. А.И. Бойцов в своем фундаментальном труде «Преступления против собственности» [3], определяя его (хищения) общее понятие и основываясь на законодательной дефиниции, закрепленной в прим. 1 к ст. 158 УК РФ 1996 г., называет объективные и субъективные признаки этой уголовно-правовой категории. К объективным признакам автор относит:

«1) незаконное и *безвозмездное* изъятие имущества из владения собственника или иного лица, которое совершается указанными в законе способами;

2) обращение его в пользу виновного или других лиц;

3) причинение тем самым собственнику или владельцу имущества реального ущерба вследствие уменьшения на определенную часть объема материальных ценностей, находящихся в его фондах;

4) причинную связь между изъятием имущества и материальным ущербом.

Субъективными же признаками хищения являются:

1) прямой умысел на *безвозмездное* (курсив наш. – А.А.) изъятие чужого имущества и обращение его в свою пользу или в пользу третьих лиц;

2) *корыстная цель* этого изъятия» [4].

Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов, анализируя законодательное определение понятия хищения, данное в примечании 1 к статье 158 УК РФ, где указывается, что под «хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества», устанавливают шесть его признаков:

«1) чужое имущество;

2) изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц;

3) противоправность;

4) безвозмездность;

5) причинение ущерба собственнику или иному владельцу;

6) *корыстная цель*» [5].

Есть (и достаточно много) и другие толкования понятия хищения на доктринальном уровне [6], но представляется необходимым остановиться на одном из наиболее спорных признаков этой важнейшей уголовно-правовой категории. Таковым, на наш взгляд, является *корыстная цель*. Один лишь анализ точек зрения на данный уголовно-правовой феномен, несомненно, может составить целое исследование [7]. Представляется, что этот затянувшийся спор был бы успешно преодолен и завершен, если бы исследователи обратились к изначально, тончайшим элементам, составляющим квинтэссенцию [8] двух понятий: *корысть* и *цель*.

Безусловно, в нашем случае следует обратиться за помощью к бесспорному авторитету, выдающемуся знатоку русского слова В.И. Далю, оставившему после себя классический памятник русской словесности – «Толковый словарь живого великорусского языка», который – по признанию самого автора – «писал ... не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; *ученик*, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от *учителя* своего, живого русского языка» [9].

Согласно В.И. Далю, *корысть* – это *страсть* к приобретению, к поживе; жадность к деньгам, к богатству, любостяжание, падкость на барыш. И все это – в первую очередь, ибо затем, как отмечает великий «ученик» русской словесности, – это выгода, польза, барыш, нажива, добыча или захваченные богатства [10]. Сама же *страсть* определена В.И. Далем как страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска [11]. Таким образом, сущностью, тончайшим признаком *корысти* является именно *страсть*, находящая свою материализацию в страданиях, муках, душевной боли, скорби и даже в...тоске к приобретению, к наживе, богатству, барышу. Но не само приобретение, нажива, богатство, барыш. И это, как представляется, и есть квинтэссенция уголовно-правового понятия *корысти*, которая является изначальным побудительным первотолчком, «искрой» для «возгорания пламени» приобретательства, наживы, богатства, стяжательства. А это, таким образом, есть не что иное как мотив хищения, что является его эксклюзивной характеристикой при совершении различных преступлений *корыстной направленности*. Несомненно, на наш взгляд, прав С.М. Кочои, который, проведя исследования мотивов хищения, пришел к выводу, что *корысть* относится к характеристике исключительно мотива [12] этих преступных посягательств на чужую собственность.

Как известно, уголовный закон не формирует понятие *корысти*, ибо это сложная социально-экономическая и, естественно, уголовно-правовая категория. Отдельные исследователи, чтобы в той или иной степени легитимизировать свои идеи относительно этого понятия, ссылаются на некоторые разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, так, например, на п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в котором высшая судебная инстанция обращает внимание правоприменителей на то, что *корыстные побуждения* направлены: 1) на получение материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или права на его получение, прав на жилплощадь и т.п.); 2) на избавление от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг,

выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.) [13]. Однако и в этом случае высшая судебная инстанция ригористично указывает на побуждения, которые являются корыстными, т.е. на мотив квалифицированного убийства, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Причем заметим, что сам закон (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) однозначно указывает на убийство из корыстных побуждений, но не из корысти. Поэтому объяснять корысть как явление, как уголовно-правовую категорию причиной ее возникновения – побуждениями – некорректно.

Обратимся теперь к этимологии понятия *цель*. Весьма любопытно то обстоятельство, что В.И. Даль не включил в свой словарь анализ этого слова [14]. В Толковом словаре русского языка под авторством С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *цель*, применительно к предмету нашего анализа, определена как «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» [15]. Обращение к другим словарям для выяснения этимологии этого термина показывает, что цель – это «то, что представляется в сознании и ожидается в результате определенным образом направленных действий» [16], т.е. это предвосхищенный в нашем случае в сознании преступника результат его преступной деятельности. Что же в сознании расхитителя являет собой результат его криминальной деятельности? Согласно и нашей многолетней теоретической и практической деятельности, целью преступных устремлений расхитителя чужого имущества является: нажива (в той или иной форме), деньги, богатство и т.д. Итак, что есть истина в законодательном термине корыстная цель, которая сформулирована в прим. 1 к ст. 158 УК РФ?

Представляется, что:

1) квинтэссенция корысти заключается в том, что она есть первотолчок, «искра», побуждение и, таким образом, мотив хищения, приводящий к наступлению преступного результата – цели – этого преступления: к наживе, богатству, выгоде, барышу, являющимися криминальными;

2) цель хищения – это результат данной преступной деятельности, который не может наступить и не наступает без криминальной подпитки – мотива;

3) мотив и цель, в свою очередь, – это «суверенные» категории субъективной стороны хищения и их, как таковых, подменять или смешивать недопустимо;

4) при хищении имеет место взаимозависимость *мотива – корысти – и цели – результата*, без которой они невозможны. Уважаемые специалисты в области исследования особенностей преступлений против собственности Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов однозначно резюмируют, что «корыстная цель *имманентно* присуща хищению» [17]. Но, как говорил великий древнегреческий философ Аристотель: «Платон мне дорог, но истина дороже», которая, на наш взгляд, установлена многогранными исследованиями Российской криминологической Ассоциации и рядом известных ученых [18]. Кроме того, социологические исследования, проводимые Аналитическим отделом стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 года, посвященные уровню и качеству жизни в России, показывают, что в настоящее время бедные составляют 29%, а нищие, которым денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, 9% населения [19]. Установлено также, что «... на модели стратификации по критерию уровня жизни и на модели стратификации по уровню ресурсной обеспеченности четко выделяется нижняя, насчитывающая 30-35% часть населения, принципиальная особенность которой состоит не только в том, что она бедная, но и в том, что она практически лишена всех видов ресурсов, включая социальный» [20].

Анализируя особенности преступлений против собственности, исследователи этой проблемы [21] установили, что эти криминальные деяния объединяет корыстный мотив, но степень его проявления может быть различной и зависит от формы общественно опасного посягательства. Наибольшую выраженность корыстная мотивация имеет место при совершении кражи и значительно меньшую – при мошенничестве, присвоении либо растрате. Это объясняется тем, что при мошенничестве корыстные побуждения преступника опосредованы добровольностью поведения собственника, определенным условием, чего нет при тайном похищении имущества. При присвоении и растрате чужое имущество до возникновения умысла на его похищение находится в правомерном распоряжении виновного. Криминально-корыстная мотивация возникает в момент превращения правомерно полученного имущества в свою неправомjernую пользу и распоряжение. Таким образом, признается, что степень проявления корысти в криминальной мотивации может быть разной, а это, в свою очередь, детерминирует то обстоятельство, что в «комплексе» мотивации при совершении преступлений против собственности могут быть и другие мотивы: месть, корысть, зависть и т.д.

Криминальные реалии сегодняшнего времени показывают, что мотивацией при совершении преступлений против собственности являются абсолютная нужда в условиях невозможности обеспечить

приемлемый уровень жизни (35% преступлений), а предметами деяний являются продукты питания, носильные вещи [22]. Совершенно ясно, что абсолютная нужда не может быть корыстью, ибо последняя есть страсть к наживе, но отнюдь не страстное стремление сохранения себя, человека, индивида, хотя и криминальным образом. Кроме этого, преступления против собственности (хищения в том числе) совершаются с целью финансового и материального обеспечения политического противоборства при проведении выборов региональных и других лидеров исполнительной власти в России. Отсутствие корыстных целей и корыстных мотивов при посягательстве на чужую собственность имеет место и в ряде других случаев, например, при наличии вооруженного противостояния на Северном Кавказе или в других регионах СНГ.

На основании изложенного можно констатировать, что указание на корыстную цель при совершении хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ) *не является верным*.

Интравидовая общественная опасность хищений чужого имущества по своей юридической (уголовно-правовой) природе включает в себя характер (отличность, особенность, единственность среди других) и степень (мера, величина, категория в сравнении с другими) социальной опасности этого криминального деяния. Поскольку индивидуализация ответственности и наказания за хищение чужого имущества есть уголовно правоприменительный процесс, то очень многое зависит от правильности установления уголовно-правового «диагноза» содеянного. Исследование этого феномена выявило множество проблем.

Квалификация хищений чужого имущества

Данный феномен является предметом авторского исследования на протяжении многих лет [23]. Применительно к настоящему исследованию нами в судах пяти регионов (Брянская, Калининградская, Орловская, Смоленская, Тульская области) было изучено 600 уголовных дел, опрошено 480 следователей и оперативных сотрудников, а также 300 осужденных за различные формы и виды хищений, 250 сотрудников исправительных колоний, 120 судей.

Проведенные исследования показали, что квалификация хищений чужого имущества, как правило, не вызывает затруднений, за исключением ст. 160 УК РФ, где проблемы связаны с установлением конкретности формы хищения (присвоения или растраты). Огромные сложности (на это указали 34,6% опрошенных) вызывают всевозможные бухгалтерской направленности термины и понятия, которые, в свою очередь, обуславливают комплекс затруднений, связанных с определением меры и степени ответственности каждого из соучастников хищения. Известно, что ст. 160 УК объединяет два смежных, но все-таки самостоятельных состава. Кроме этого, имеется ряд сходных признаков с другими составами, например – при экономических преступлениях. И поэтому совершенно несомненно обстоятельство, что при индивидуализации ответственности и наказания огромное значение имеет правильная квалификация содеянного [24]. Так, например, центральным районным судом г. Калининграда 21 июля 1998 г. Унжаков и Герунов осуждены по п. «а», «г» ч. 2 ст. 162 (ч. 2 ст. 162), п. «б» ч. 3 ст. 163 (ст. 163) УК РФ. Они признаны виновными в совершении разбойного нападения и вымогательстве в целях получения имущества в крупном размере.

9 января 1998 г. Герунов и неустановленное лицо потребовали у Краснова В. валюту и избили его, а Унжаков забрал провода зажигания от автомашины «Фольксваген-Пассат», принадлежащей Красновой Т. Затем со стоянки, расположенной около дома потерпевшего, Унжаков открыто похитил автомобиль «Фольксваген-Пассат», после чего пришел в квартиру Краснова и сообщил, что машину забрал, и вместе с нападавшим ушел.

Судебная коллегия по уголовным делам Калининградского областного суда приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений в части осуждения Унжакова и Герунова по п. «а», «г» ч. 2 ст. 162 (ч. 2 ст. 162) УК РФ и прекращении дела в этой части за отсутствием состава преступления.

Президиум Калининградского областного суда 13 сентября 1999 г. протест удовлетворил, указав следующее.

Согласно ст. 162 УК РФ, уголовная ответственность за совершение разбоя наступает при условии нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Однако эти признаки в действиях Унжакова и Герунова отсутствуют.

Унжаков в ходе предварительного и судебного следствия пояснял, что 9 января 1998 года Краснов В., работавший в фирме, обратился к нему с просьбой передать ему автомобиль на выходные. Против этого он, Унжаков, не возражал, но сказал, что отдаст ему автомобиль 10 января. Краснов же забрал без его ведома автомобиль «Фольксваген-Пассат», принадлежащий Красновой Т. и внесенный Красновым В. в качестве пая в совместный проект, хотя ими были оговорены условия обоюдного использования автомобиля. Вечером 9 января 1998 г. после 20 часов он обнаружил, что машины около офиса нет. Позвонил Красновыми, узнал, что они забрали машину.

Тогда, имея при себе все необходимые документы на эту автомашину, а также ключи, и считая, что договор на использование автомобиля остался в силе, он забрал машину со стоянки, находящейся рядом с домом Красновых.

Показания Унжакова объективно подтверждены другими доказательствами, в частности – показаниями потерпевших Красновых.

Так, потерпевший Краснов В. подтвердил, что на Унжакова добровольно оформлена доверенность на право управления автомобилем, у него находились ключи от машины и технический талон. Как установлено по делу, автомобиль «Фольксваген-Пассат» внесен в качестве пая в общее имущество фирмы.

С учетом изложенного, с выводом суда об отсутствии у Унжакова законных или предполагаемых прав на автомобиль согласиться нельзя.

С момента оформления доверенности на Унжакова у него появилось право на управление автомашиной. Для того, чтобы его действия по изъятию автомобиля со стоянки были признаны противоправными, Краснов должен был поставить в известность Унжакова о том, что он (Краснов В.) забирает автомашину, и решить вопрос о разделе общего имущества и возврате внесенной им в качестве пая автомашины.

Указанные действия Краснов В. не совершил.

Следовательно, собранными по делу доказательствами подтверждено, что Унжаков при наличии имеющихся у него документов имел право забрать автомобиль со стоянки, поскольку машина являлась общим имуществом фирмы.

При таких обстоятельствах в действиях Унжакова и Герунова отсутствует состав преступления – разбой (п. «а», «г» ч. 2 ст. 162 (ч. 2 ст. 162) УК РФ).

Приговор в части осуждения Унжакова и Герунова по п. «а», «г» ч. 2 ст. 162 (ч. 2 ст. 162) УК РФ отменен и дело в этой части прекращено за отсутствием состава преступления, в остальной части приговор оставлен без изменения [25].

Этот пример из практики Калининградского областного суда ярко показывает, насколько важно производить правильную квалификацию содеянного виновным. Это обстоятельство имеет еще бóльшую значимость в тех случаях, когда предъявляется обвинение лицу, в действиях которого отсутствует состав преступления (хищения). Так, например, органами следствия Щукину было предъявлено обвинение в том, что он, являясь руководителем и владельцем частных предприятий, расположенных в г. Кургане, и одновременно акционером Московского акционерного коммерческого банка «Агропромстройбанк», в период с 13 января 1994 г. по 28 марта 1995 г. с целью завладения чужим имуществом в крупных размерах, обмана и злоупотребления доверием систематически получал в Курганском филиале «Агропромстройбанка» кредиты без обеспечения их возвратности, заранее зная о невозможности возратить и погасить начисленные по ним проценты.

В указанный период Щукин получил в Курганском филиале «Агропромстройбанка» кредиты по кредитным договорам на общую сумму 1 549 751 тыс.руб., по которым начислено процентов – 1 770 373 500 руб. Погашено кредитов и процентов – 2 340 623 600 руб., а оставшуюся сумму в размере 978 500 тыс.руб. он вложил в принадлежащие ему предприятия. Курганским городским судом 9 июля 1996 г. Щукин оправдан по ч. 3 ст. 147 (ст. 159) УК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Курганского областного суда и президиум областного суда приговор и кассационное определение оставили без изменений.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене оправдательного приговора и последующих судебных решений и направлении дела для производства дополнительного расследования. Как указано в протесте, суд оправдал Щукина, мотивируя это тем, что в судебном заседании не установлен его умысел на заведомое невозвращение полученных кредитов, а образовавшийся долг перед «Агропромстройбанком» возник из-за политики самого банка, связанной с риском.

По мнению прокурора, этот вывод суда ошибочен, в обвинительном заключении органы предварительного следствия не сделали полного объективного исследования финансовой деятельности предприятий Щукина, что служит основанием для направления дела на дополнительное расследование.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 31 марта 1997 г. протест оставила без удовлетворения, указав следующее.

Как видно из материалов дела, Щукин получал кредиты в банке на законных основаниях, при этом нет никаких доказательств, свидетельствующих о том, что он не собирался их возвращать. Напротив, согласно материалам дела и обвинительному заключению, Щукин из полученных им кредитов и долга по процентам возвратил банку более половины всей суммы. Кроме того, как усматривается из показаний Щукина в судебном заседании, он вернул бы и оставшуюся сумму кредитов, если бы банк в одностороннем порядке не прекратил финансирование его предприятия.

При таких данных суд правильно пришел к выводу об отсутствии у Щукина умысла на хищение имущества, на заведомое невозвращение полученных кредитов, которые ему предоставлялись с разрешения управляющего Курганского филиала «Агропромстройбанка» Найманова и его заместителя Есьмана. Предварительного сговора на хищение денежных средств между Наймановым, Есьманом и Щукиным органами следствия не установлено. В отношении Найманова и Есьмана уголовные дела прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления. Судя по документам ревизии в банке, кредиты выдавались без проверки обоснований возвратности не только Щукину, но и многим другим руководителям предприятия. Гражданский иск Московского «Агропромстройбанка» разрешен 25 марта 1996 г. Курганским областным арбитражным судом.

Довод протеста о том, что органами предварительного следствия не сделано полного объективного исследования финансовой деятельности предприятий Щукина, нельзя признать убедительным. Как установлено по делу, при проведении ревизии исследовалось 50 договоров, в акте ревизии отражены только те договоры, по которым получены деньги, истраченные затем Щукиным на приобретение товарно-материальных ценностей. К материалам дела приобщены оформленные в соответствии с требованиями закона договоры залога, с указанием предмета залога. Согласно договорам, право проверить залоговое имущество предоставлено банку. Свидетель Есьман показал, что он лично проводил проверку залогового имущества предприятий Щукина, где количество товарно-материальных ценностей всегда превышало сумму кредита.

С учетом изложенного суд правильно оправдал Щукина за отсутствием в его действиях состава преступления [26].

Следует отметить, что на практике нередки случаи, когда эти формы хищения отождествляются или подменяются одна другой [27]. Так, военной коллегией Верховного Суда СССР было рассмотрено дело Ж. и М., которые были осуждены судом первой инстанции за хищение государственного имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 84 УК Украинской ССР (соответствует п. «а» ч. 2 ст. 160 УК).

Фабула дела такова. Заведующий продовольственным складом воинской части Ж. получил на мясокомбинате 478 килограммов мяса стоимостью 908 рублей 20 копеек и решил продать его, а деньги присвоить. С этой целью он привез мясо продавцу магазина «Мясо – молоко» М. и, договорившись с ним, передал ему мясо для реализации. М. продал мясо за 760 рублей. Из них 500 рублей он передал Ж., а остальные деньги оставил себе.

Из материалов дела также усматривалось, что Ж. решил похитить имевшиеся излишки мяса и приказал кладовщику при разгрузке оставить часть мяса в автомашине, которую поставил на ночь в автопарк.

На следующий день он вывез мясо в город, чтобы реализовать его через какого-либо продавца мясного магазина. Следовательно, хищение мяса Ж. совершил один, а М. никакого отношения к хищению не имел. Он лишь сбыл похищенное (продал), за что и должен нести уголовную ответственность. Основываясь на этих фактах, Верховный Суд СССР в определении по данному делу указал: «Как видно из приговора и определения, военные трибуналы гарнизона и округа исходили из того, что формой хищения была растрата. Именно поэтому они и пришли к выводу, что сговор между Ж. и М. состоялся до окончания хищения. Между тем формой хищения в данном случае было *присвоение* государственного имущества, совершенное должностным лицом, которому это имущество было вверено. Хищение закончилось в тот момент, когда Ж. вывез мясо с территории части, так как до этого оно находилось в автомашине, стоявшей в автопарке части, и, следовательно, из владения части не

выбывало». Установив точную форму хищения (присвоения) и момент его окончания, Верховный Суд СССР переqualificировал действия Ж. на ч. 1 ст. 84 УК УССР, а действие продавца магазина М. – на ч. 1 ст. 213 и ч. 1 ст. 165 УК УССР (приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, и злоупотребление служебным положением) [29].

Таким образом, правильная квалификация хищений чужого имущества, будучи уголовно-правовой оценкой данного криминального явления, производимая конкретным правоприменителем (следователем, судом, дознавателем) на основе установления и юридического закрепления признаков совершенного деяния и их тождества с признаками состава преступления, предусмотренного соответствующей уголовно-правовой нормой, имеет огромное значение в индивидуализации уголовной ответственности и наказания расхитителей чужого имущества, потому что:

- обеспечивает точное и полное применение уголовного закона к конкретному факту совершения хищения чужого имущества;
- является одной из гарантий принципа справедливости (индивидуализации уголовной ответственности и наказания) при осуществлении правосудия, предусмотренного ст. 6 УК РФ;
- обуславливает обоснованность и законность проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий и уголовно-процессуальных действий при расследовании уголовного дела;
- влечет определенные уголовно-правовые и уголовно-процессуальные последствия для лица, совершившего квалифицируемое деяние;
- выступает основой объективного и точного отражения в судебной статистике показателей преступных посягательств на собственность [29].

Литература:

1. Порядок на улице разбитых фонарей. Отчет министра внутренних дел России Р. Нургалиева // Российская газета, 2007, 9 февраля.
2. Имеется в виду глава 21 УК РФ (преступления против собственности).
3. Бойцов А.И. Преступления против собственности. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. - 775 с.
4. Там же, с.106.
5. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. 2-е изд., испр. - Москва: АО «ЦентрЮрИнфор», 2001, с.23.
6. См., напр.: Мустафаев Ч.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с хищениями имущества. - Баку, 1994, с.20-64; Милоков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. - СПб., 2000, с.230; Яни П.С. Экономические и служебные преступления. - Москва, 1997, с.84; Андреева Л.А., Волженкин Б.В., Овчинникова Г.В. Понятие хищения социалистического имущества: Учебное пособие. - Ленинград, 1985, с.25; Андрианов А.В. Проблемы индивидуализации ответственности за преступления против собственности по российскому уголовному законодательству: Монография. - Калининград, 2003, с.77 и др.
7. См., напр.: Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001, с.6-57, 108-120; Волков Б.С. Мотивы преступлений. - Казань, 1982, с.42; Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. - Томск, 1989, с.17; Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. - Москва, 2000, с.114; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. - Москва, 1986, с.53; Волженкин Б.В. Служебные преступления. - Москва, 2000, с.153; Милоков С.Ф. Указ. соч., с.232 и др.
8. Квинтэссенция (лат. quinta essentia – пятая сущность). В современной этимологии – это самое главное, важное, наиболее существенное. См.: Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. - Москва: Русский язык, 1988, с.224.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. Т. 1: А - З. - СПб.: ООО «Диамант», 2002, с.У.
10. Даль В.И. Указ. соч., т.1, с.171.
11. Даль В.И. Указ. соч., т.4, с.336.
12. Кочои С.М. Указ. соч., с.114-115.
13. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1999. - № 3. - С.4; Миненок М.Г., Миненок Д.М. Указ. соч., с.112.
14. См., например: Даль В.И. Указ. соч., т.4, с.573.
15. См.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - Москва: Азбуковник, 1999, с.873.

16. См., например: Кондаков Н.И. Логический словарь. - Москва: Наука, 1971, с.586.
17. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ.соч., с.36.
18. См.: например Милюков С.Ю. Российское уголовное законодательство: Опыт криминалистического анализа. С.-Петербург, 2000, с.229-230; Лунев Б.В.: Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. - Москва, 1997, с.242-267; Преступность и реформы в России. - Москва, 1998, с.195-207.
19. См.: Социологические исследования. - 2006. - №1. - С.17-18.
20. См.: Социологические исследования. - 2006. - №2. - С.39.
21. См.: Преступность и реформы в России. - Москва, 1998, с.196.
22. См.: Преступность в России и проблемы борьбы с ней. - Москва, 2001, с.23.
23. См., напр.: Андрианов А.В. Индивидуализация уголовной ответственности за хищения социалистического имущества, совершенные путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением: Дисс. на соискание уч. степени канд. юр. наук. - Москва: Академия МВД СССР, 1987, с.8-10, 25-30; Андрианов А.В. Проблемы индивидуализации уголовной ответственности за преступления против собственности по российскому уголовному законодательству: Монография. - Калининград, 2003, с.43, 58, 71.
24. Гаухман Л.Д. Понятия присвоения, растраты и хищения путем злоупотребления служебным положением и их разграничение // Социальная эффективность норм об уголовной ответственности за посягательства на экономическую систему. - Горький: ГВШ МВД СССР, с.81-91; Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. - Москва: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001, с.78-89; Бойцов А.И. Указ.соч., с.416-423 и др.
25. Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2001. - № 2. - С.19-20. Д.4.
26. Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1997. - №10. С.6. Д.2.
27. Волженкин Б.В. Квалификация хищений государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением: Конспект лекции. - Ленинград, 1987, с.12-13.
28. Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам (1971-1979). - Москва: Известия, 1981, с.302-304.
29. Преступные посягательства на собственность в экономически развитых странах занимают от 75 до 80%. В России из «обычно» ежегодно регистрируемых преступлений более 60% составляют криминальные посягательства на собственность. См.: Состояние преступности в России за 2006 год. - Москва: Главный информационный центр МВД РФ, 2007, с.3-6.

Prezentat la 20.03.2007